

Последним звуком, который она услышала, стал голос Шань Хай Цзин:

□Участие в запечатывании завершено.□

□Повышение уровня хозяина: класс А → класс А+.□

□Западное меридиональное кольцо заката: 23% → 31%. Разблокировано 43 новых вида Диких зверей.□

□Да Хуан Цзин: 0.1% → 0.3%.□

□Хозяин вступил в прямой контакт с Хуньдунем во время запечатывания. Хуньдунь предварительно занесен в Шань Хай Цзин.□

□Имя Хуньдуня — занесено в каталог.□

□Первая страница Да Хуан Цзин — разблокирована.□

Затем всё погрузилось во тьму.

На третий вечер после битвы Цинь Ху пришёл позвать её выпить.

Это было неслыханно. Цинь Ху никогда не звал никого просто так — он принадлежал к тем людям, которые предпочтут до блеска полировать меч в одиночестве, чем тратить слова на пустые разговоры.

Но сегодня он принёс с собой кувшин рисового вина, нашёл укромное от ветра место на крепостной стене и поманил Лу Синвань.

— Иди сюда. Садись.

Они устроились на зубцах стены. Закатное солнце окрасило далёкие поля в золотистый цвет. Над лежащим у подножия стены Гуйдэ-фу поднимался дымок от кухонных очагов, и издавало вид почти безмятежный — если не обращать внимания на измождённых беженцев на улицах.

Цинь Ху сделал большой глоток вина и вытер рот.

— Ты, девчонка... — посмотрел он вдаль. — Оказалась куда способнее, чем я думал.

— Спасибо, дядюшка Цинь.

— Не благодари. Я говорю о том, что с тобой трудно тягаться.

Лу Синвань улыбнулась.

Цинь Ху отпил ещё. Вино ударило в голову, и слов у него стало втрое больше обычного.

— Давай-ка я расскажу тебе о своей жизни, — заявил он, не заботясь о том, хочет ли Лу Синвань слушать. — Старик вроде меня в девятнадцать лет ушёл из Префектуры Тайпин в армию. Пограничная армия Ляодуна, сотник. Воевал сорок лет. Бился с мятежниками в Нинся, громил японских пиратов в Чосон. Вот эти два пальца на левой руке... — он поднял искалеченную руку. — Потерял на войне в Чосон. Клинок какого-то пирата был так быстр, что я и моргнуть не успел.

Он опустил руку.

— После отставки осел в Гуйдэ-фу. Думал, больше за всю жизнь не придётся воевать. Завёл пару му земли, собаку. И вот...

Он горько усмехнулся.

— Черт побери. Стоило постареть, как снова ввязался в драку.

Лу Синвань промолчала. Она просто слушала.

— Но эта битва не похожа на прошлые, — продолжал Цинь Ху. — Раньше как было: над тобой командир, над командиром военачальник, над ним военное ведомство. Мое дело — приказы выполнять. А в этот раз... — он бросил на неё взгляд. — В этот раз я сам принимал решения. И всё равно шёл за девчонкой, которая отдавала приказы.

— Дядюшка Цинь...

— Не перебивай. — Он снова приложился к кувшину. Половины вина уже как не бывало. — Я хочу кое о чём тебе рассказать.

Он опустил пиалу. Выражение его лица изменилось: исчезло хмельное туманоподобное состояние, сменившись трезвой, сосредоточенной серьезностью.

— Ты, девчонка, напоминаешь мне одного человека.

Сердце Лу Синвань забилося быстрее.

— Когда я был молодым — ещё до девятнадцати лет, — я учился ремеслу в Префектуре Тайпин. Там была небольшая гончарня, человек пятнадцать рабочих.

Он замолк, словно вспоминая что-то очень далёкое.

— Был там один наставник. Тоже, как и ты, с головой, полной всяких странных мыслей.

— ...Что за наставник?

— Плохо помню. Мне тогда всего десяток с небольшим стукнуло. Запомнилось только, что этот наставник научил меня одному способу укрепления стен — как раз тому методу, которым ты улучшила городскую оборону. Укрепление треугольниками, устранение мёртвых зон, эшелонированная оборона... Мне тогда казалось странным: откуда учёному мужу знать досконально о строительстве стен?

Пальцы Лу Синвань судорожно сжали край одежды.

— А потом я попал в армию. И применил это на войне в Чосон. Мы держали оборону маленького городка, пираты штурмовали его три дня и не смогли взять — только потому, что я использовал метод, которому научил тот наставник. Не будь его, я бы давно сгинул в Ляодуне.

Он посмотрел на закатное солнце.

— Этот наставник... — медленно произнес он. — Смотрел на вещи совсем иначе, чем все остальные. Другие видят огонь — и просто знают, что это огонь. А она говорила, что огонь — это... как же там... окисление. Я тогда ничего не понял.

Окисление.

Эти три слова, словно тяжёлый молот, ударили прямо в голову Лу Синвань.

— Дядюшка Цинь, — её голос слегка охрип. — Как звали... того наставника?

Цинь Ху долго напрягал память.

— Кажется, по фамилии Шэнь... Нет, все звали её госпожа Шэнь. Точно! — он хлопнул себя по лбу. — Она была женщиной.

Шэнь.

Госпожа.

Префектура Тайпин.

Годы правления Ванли.

В голове полно странных штук.

Знает слово «окисление».

Пиала в руке Лу Синвань чуть не выскользнула.

Рисовое вино расплескалось, попав ей на руку. Холодное. Но ладони горели огнём.

Невозможно.

Совершенно невозможно.

Её мать, Шэнь Роюй, в этом году исполнилось пятьдесят. Она погибла под завалами во время землетрясения 2024 года. Она никак не могла переместиться во времени на тридцать девять лет назад, в эпоху Ванли.

Невозможно.

Но само слово «окисление»...

Разве мог человек эпохи Ванли произнести слово «окисление»?

Только если этот человек, как и она, прибыл из современности.

Только если этот человек изучал школьную химию.

А её мать была учителем физики, которая отлично разбиралась и в химии.

Она сидела на крепостной стене, уставившись на темнеющее небо.

В груди что-то бурлило, словно в закипающем чайнике.

Еще не кипело, но пузырьки уже поднимались.

Этой ночью она не сомкнула глаз.

Она ворочалась с боку на бок, прокручивая в голове слова Цинь Ху. Каждое слово заново и заново всплывало в памяти.

Госпожа Шэнь. Префектура Тайпин. Годы Ванли. Окисление.

Она пыталась убедить себя: возможно, это просто совпадение. Может быть, в эпоху Ванли действительно жил кто-то знающий химию. Может, тот человек просто тоже носил фамилию Шэнь. Может быть...

Профессиональная выучка менеджера продукта оборвала её попытки самообмана.

Когда данные указывают на определённый вывод, не стоит заниматься самообманом.

Она достала из-под подушки тот старый кирпич.

3.14.

Три цифры. В мерцающем свете свечи высеченные знаки отбрасывали тонкие тени.

Число Пи. Первые три знака.

Конечно, в конце династии Мин китайские математики знали число Пи. Цзу Чунчжи рассчитал его до седьмого знака после запятой ещё тысячу лет назад. Но само написание — «3.14» — записано арабскими цифрами. Китайцы династии Мин использовали иероглифы: «три целых и четырнадцать сотых» или «три с небольшим».

Тот, кто использовал запись «3.14», должен был иметь дело с современной западной математической нотацией.

Или — происходить из современности.

Она снова взяла в руки каменную стелу. Исследование вещей. Тайпин. Ванли.

Две вещи. Одна — математика. Вторая — письменность.

Есть ли между ними связь?

Ранним утром следующего дня она разыскала Цинь Ху.

— Тот кирпич... который выкопали из основания старой стены — из какого именно участка его достали?

Цинь Ху задумался:

— С южного. Близ старых городских ворот. Выкопали во время ремонта. А что?

— А есть еще что-нибудь?

— Что еще?

— Другие кирпичи с надписями. Или камни. Или что угодно.

Цинь Ху покачал головой:

— Не обращал внимания. Сходи сама. Старый фундамент так и лежит на пустыре, никто его не трогал.

Лу Синвань отправилась туда.

Остатки старого фундамента были свалены на пустыре к югу от города. Около полусотни старых кирпичей разных размеров, поросших мхом. Она перебирала их один за другим, всматриваясь в каждый.

На семнадцатом кирпиче она замерла.

На нём тоже были высечены цифры.

1.618

Золотое сечение. Фи.

Сердце забило чаще.

Она продолжила поиски. Двадцать третий кирпич.

1, 1, 2, 3, 5

Первые пять чисел последовательности Фибоначчи.

Она присела на корточки перед кучей старых кирпичей, глядя на эти три находки.

3.14. Число Пи.

1.618. Золотое сечение.

1, 1, 2, 3, 5. Ряд Фибоначчи.

Три математические константы.

Высеченные на трёх кирпичах разных эпох. Замурованные в старое основание стен Гуйдэ-фу.

Человек эпохи Мин никак не мог знать точное значение золотого сечения с точностью до тысячных долей — запись вроде «1.618» является плодом современной математики.

Человек эпохи Мин не мог записать последовательность Фибоначчи с помощью арабских цифр — само имя «Фибоначчи» принадлежит европейскому математику, о котором китайцы династии Мин ничего не знали.

Если только...

Тот, кто высек эти цифры, как и она, прибыл из современности.

Прибыл из мира, где знают Пи, Фи и Фибоначчи.

Прибыл из мира, где пользуются арабскими цифрами.

Прибыл из...

Она поднялась на ноги. Ноги дрожали.

Безумная догадка оформлялась в голове.

Если какой-то современный человек попал в прошлое, в эпоху Ванли — в Префектуру Тайпин — по фамилии Шэнь — женщина — с головой, полной математики и науки...

Может ли этот человек...

Оказаться...

Она не смела произнести это слово в мыслях.

Она боялась разочароваться, если осмелится надеяться.

Следующие два дня она ходила как в тумане.

Думала об этом во время еды. Думала во время тренировок. Когда обсуждала с Су Цзиньшу распределение припасов...

— Синвань? — голос Су Цзиньшу вернул её в реальность. — Что ты только что сказала?

— А... Я сказала, что зерна хватит на двадцать дней...

— Ты только что сказала «на тринадцать дней». И повторила это дважды.

Лу Синвань потёрла виски.

— Прости. Я... задумалась.

Су Цзиньшу посмотрела на неё. С тем самым выражением — точным, лишённым эмоций, похожим на лезвие скальпеля.

— О чём ты думаешь?

Лу Синвань долго колебалась.

Затем она задала странный вопрос:

— Цзиньшу. Ты веришь... что кто-то может прийти из будущего в прошлое?

Су Цзиньшу ответила не сразу. Она раздумывала секунд пять — по её меркам это было очень долго.

— Ты говоришь о себе?

Лу Синвань не ответила.

Су Цзиньшу тоже не стала допытываться. Она лишь произнесла фразу, которая потрясла Лу Синвань.

— Я не верю в духов и божеств, — её голос звучал неторопливо, словно она проверяла ногой прочность каждого слова перед тем, как ступить на него. — Но та диковинная книга, что передавалась в моем роду из поколения в поколение... помнишь, я тебе рассказывала? Книга, подаренная неким наставником в годы Ванли... В ней были вещи, которые словно не могли быть написаны человеком той эпохи.

Сердце Лу Синвань пропустило удар.

— Что за вещи?

— Не уверена. Я листала её в детстве, а потом она затерялась. Но я помню некоторые термины — я никогда не встречала их в других книгах. Например, «передача усилия», «тепловое движение», «преломление света»...

Она замолчала на мгновение.

— Раньше я думала, что это бред сумасшедшего. Бред, написанный безумцем. Но если ты говоришь мне, что тоже «оттуда»...

Она посмотрела на Лу Синвань.

— То, возможно, те слова вовсе не были бредом.

Лу Синвань снова разыскала Цинь Ху.

На этот раз она расспрашивала куда подробнее.

— Эта госпожа Шэнь... как она выглядела? Что она делала? Как она тебя учила?

Цинь Ху сидел под крепостной стеной, прищурившись и вспоминая былое. Вино уже закончилось, но он, казалось, всё ещё находился во власти той атмосферы воспоминаний.

— Она... трудно описать, — медленно произнес он. — Не сказать чтобы писаная красавица. Но глаза — удивительно живые. Не та живость, что у молодежи... а такая, будто она всё насквозь видит.

Он сделал паузу.

— Она смотрела на всё совсем не так, как остальные. Другие видят огонь — и просто огонь, а она говорила, что огонь — это «окисление». Другие видят гончарную печь — просто печь, а она утверждала, что температуру в печи можно измерить с помощью штуки... как её там... термо... какой-то прибор.

Термометр.

Ногти Лу Синвань впились в ладони.

— Всё то, чему она тебя учила — методы укрепления стен, механика... как она это преподавала?

— Чертила, — ответил Цинь Ху. — Чертила на земле. Точно так же, как ты.

Он бросил на неё взгляд.

— То, как ты сейчас наклоняешься над чертежами — точь-в-точь как она. Присядешь на корточки, возьмёшь ветку и чертишь, бормоча что-то под нос.

Лу Синвань остолбенела.

Её поза, когда она чертила на земле... похожа на позу матери?

Когда её мать проверяла контрольные по физике, она точно так же склонялась над столом — каждый чертеж для анализа сил вычерчивался безупречно, с указанием углов, величин и направлений сил, аккуратно, линия за линией, без малейшей лени.

Она глубоко вздохнула.

— Дядюшка Цинь... Можешь ли ты... рассказать мне всё, что помнишь о той госпоже Шэнь? Всё до мелочей. Какая бы малость ни была.

Цинь Ху посмотрел на неё долгим взглядом.

— Зачем ты спрашиваешь об этом?

Лу Синвань приоткрыла рот.

Она не знала, что ответить.

Потому что сама ещё ничего не подтвердила. Ещё не осмеливалась верить.

— Потому что... — тихо произнесла она. — Возможно, она очень важна для меня.

Цинь Ху больше не стал расспрашивать.

Он прислонился спиной к крепостной стене, закрыл глаза и начал вспоминать.

Цинь Ху извлёк на свет свои старые вещи.

Потертый матерчатый мешочек серого цвета, завязанный пеньковой верёвкой. Он вытащил его из тайника у основания крепостной стены — там он прятал самое ценное.

— Это записи, которые я вёл сам, когда тот наставник учил меня, — он протянул ей мешочек.

— Прошло сорок лет. Бумага совсем пожелтела.

Лу Синвань приняла мешочек.

Её руки дрожали, но она изо всех сил старалась скрыть это от Цинь Ху.

Она развязала пеньковую верёвку.

Внутри лежало пять небольших тетрадей. Размером с ладонь, сшитых нитками. Бумага пожелтела и стала хрупкой, края изрядно потрепались. Но чернила сохранились — почерк принадлежал не её матери, а самому Цинь Ху. Кривой, кособокий, словно человек, с трудом владеющий грамотой, изо всех сил старался фиксировать знания.

Она открыла первую тетрадь.

На первой странице был нарисован чертеж: палка, упирающаяся в камень, а на одном её конце лежит тяжёлый груз. Рядом шли несколько коряво выведенных иероглифов: «Принцип рычага».

Вторая страница: «Принцип ворота и колеса». Был изображен блок.

Третья страница: «Разложение сил». Был нарисован треугольник со стрелками.

Она перелистнула на вторую тетрадь.

«Анализ строительной механики стен». На чертеже значился разрез крепостной стены с указанием несущих конструкций, треугольных элементов жесткости и распределения напряжений.

Всё это...

Дыхание Лу Синвань участилось.

Всё это было до боли знакомо. И вовсе не потому, что она досконально знала физику — будучи менеджером продукта, физику она учила лишь поверхностно. А потому, что...

Это был метод преподавания её матери.

Обучая учеников, её мать никогда не начинала с формул. Сначала она чертила. Заставляла увидеть направление сил, форму конструкции, взаимосвязь между телами. И только когда ученик понимал рисунок, переходила к формулам.

«Сначала увидеть, потом понять».

Это была методология, по которой Шэнь Роюй тридцать лет преподавала физику.

Она дошла до последней тетради.

Эта тетрадь была тоньше остальных. Разворачивает первую страницу — пустая. Вторую — пустую. Третью...

Её дыхание оборвалось.

В нижней части третьей страницы виднелась строчка мелкого почерка.

Почерк был не Цинь Ху.

Изящный, выписанный с такой силой, что чернила проступили сквозь бумагу. Каждая черта выведена с невероятным тщанием, словно автор высекал слова на камне.

«Сию книгу преподношу тому, кому она может пригодиться в будущем».

Девять иероглифов.

Лу Синвань уставилась на эти девять знаков.

Ей была знакома эта интонация.

Слишком хорошо знакома.

Это была манера речи её матери.

Никаких лишних слов. Никаких ненужных пояснений. Каждое предложение весомо.

Когда её мать проверяла домашние задания, её пометки никогда не превышали десяти иероглифов. «Ход мыслей ясен». «Ошибка в расчётах». «Подумай ещё».

«Сию книгу преподношу тому, кому она может пригодиться в будущем».

Девять иероглифов. В них заключался весь смысл: я знаю, что в будущем кому-то понадобятся эти знания. Я не знаю кто это. Я не знаю когда. Но я записала их и оставила здесь. Когда этот человек придёт, книга будет ждать его.

Пальцы Лу Синвань дрожали.

Она перевернула страницу на форзац.

Там обнаружилась строка ещё меньшего размера — будто добавленная позже тайком. Почерк был тем же, что на третьей странице, но мельче, настойчивее, словно автор боялся, что надпись заметят, или наоборот — что забудут.

«Новые очерки исследования вещей. Том первый. Записано собственноручно Шэнь Роюй».

Шэнь.

Ро.

Юй.

Три иероглифа.

Имя её матери.

Написанное на крошечной тетради тридцать девять лет назад.

В конце династии Мин.

В Гуйдэ-фу.

В её руках.

Мир вокруг затих.

Она больше не слышала завывания ветра. Ни уличного гама, ни собственного дыхания.

Перед глазами стояли лишь те три иероглифа.

Шэнь Роюй.

Её мама.

Тоже переместилась во времени.

Перенеслась на тридцать девять лет назад. В эпоху Ванли. В Префектуру Тайпин.

И там — продолжала заниматься тем же самым, чем занималась всегда. Учила людей. Передавала знания. Излагала законы физики на языке, понятном людям той эпохи.

Она написала книгу. Назвала её «Новые очерки исследования вещей».

И оставила её «тому, кому она может пригодиться в будущем».

— Тому человеку, которого она ждала?

Была ли это её собственная дочь?

Знала ли она, что её дочь тоже переместится во времени?

Знала ли она, что тридцать девять лет спустя её дочь будет сидеть под крепостной стеной Гуйдэ-фу, перелистывая пожелтевшие страницы этой тетради, заливаясь слезами?

Цинь Ху испугался, увидев выражение её лица.

— Что с тобой?

Лу Синвань подняла голову.

Её лицо было залито слезами.

Она даже не заметила, когда начала плакать. Может быть, в тот момент, когда увидела слова «Сию книгу преподношу тому, кому она может пригодиться в будущем». А может, когда прочла три иероглифа «Шэнь Роюй».

Плакала ли она после перемещения? Нет. Не плакала в день попадания сюда. Не плакала, когда погибла мать прежней хозяйки тела. Не плакала во время обороны города, не плакала, глядя на трупы, не плакала при виде цифр потерь.

Но сейчас она плакала.

Потому что её мама тоже оказалась в этом мире.

Её мама тридцать девять лет назад, совершенно одна, в эпохе, где никто её не понимал, приседала на корточки на земле, чертила веткой чертежи и объясняла девятнадцатилетнему подмастерью, что такое рычаг и что такое механика.

Маме, должно быть, было ужасно одиноко.

Мама, должно быть, безумно по ней скучала.

— Дядюшка Цинь... — её голос дрожал.

Цинь Ху потерял дар речи. Больше всего на свете он боялся двух вещей: плачущих женщин и плачущих военачальников.

— Ты... ты не плачь...

— Та госпожа Шэнь... — Лу Синвань сжала тетрадь так сильно, что костяшки пальцев побелели. — Она... моя мама.

Цинь Ху остолбенел.

Он открыл рот.

И снова закрыл.

А затем сделал то, чего Лу Синвань никак не ожидала: протянул руку и своей левой рукой с двумя недостающими пальцами неловко похлопал её по плечу.

— ...Не плачь, — вымолвил он. Голос звучал гораздо мягче обычного. — Твоя мама... была великим человеком.

Любители книг собрались здесь, чтобы насладиться очарованием романов о древней любви.

Цинь Ху был потрясён её словами: «Она — моя мама».

Он приоткрыл рот и добрую минуту молчал. Затем совершил поступок, удививший Лу Синвань: не стал допытываться, как её мама могла очутиться в эпоху Ванли, откуда та взялась и каков её собственный путь.

Он лишь выдержал короткую паузу и произнёс:

— Хочешь узнать, что было с ней потом?

— Хочу.

— После того как я ушёл в армию, я больше её не видел. Это было сорок лет назад, — он почесал затылок. — Но люди говорили, что она так и осталась в Префектуре Тайпин. Сделала столько всего. Учила учеников, перестраивала печи, помогала больным — нет, не лечила людей, она помогала им чинить колодцы. В общем... много всего.

Фраза «много всего» заставила глаза Лу Синвань снова наполниться слезами.

Её мама в одиночку в эпоху Ванли сделала «столько всего».

— Она... — Лу Синваньт вытерла лицо рукавом. — Ей жилось хорошо?

Цинь Ху задумался.

— Трудно сказать, хорошо ли. Ей тогда было около тридцати с небольшим. Выглядела... не то чтобы красавица. Но глаза — удивительно живые.

<http://bllate.org/book/21208/2146541>